

ВРОДНЕНСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ по воскресеньямъ.

Адресъ Редакціи:
Купеческая ул., Соборный домъ.
Годовая цѣна 5 рублей.

При напечатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки, взимается: за одинъ разъ 10 к. за два—15 к. за три—20 к.

Годъ IV-й.

3-го Октября 1904 года.

№ 40.

ОТДѢЛЪ I ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Дѣйствія Правительства.

Предсѣдатель Комитета Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста, отношеніемъ отъ 5 сентября 1904 года за № 927, сообщилъ, что по особому ходатайству Августѣйшаго Покровителя Воинскаго Благотворительнаго Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Свят. Синодъ разрѣшилъ этому Обществу произвести въ пользу его повсемѣстно въ церквахъ всѣхъ епархій Имперіи сборъ пожертвованій въ будущемъ 1905 году въ праздникъ Богоявленія Господня (6 января).

Въ виду сего Комитетъ Общества, полагая въ непродолжительномъ времени обратиться съ соотвѣтствующими сему дѣлу воззваніями ко всѣмъ благочиннымъ и

настоятелямъ церквей и монастырей, между прочимъ, просилъ Его Преосвященство, въ видахъ успѣшности предстоящаго сбора и устранения какихъ-либо при этомъ недоразумѣній, не отказать въ зависящемъ распоряженіи о подтвержденіи состоявшагося объ этомъ сборѣ опредѣленія Св. Синода, вмѣстѣ съ просьбою Комитета о содѣйствіи этому сбору, особымъ объявленіемъ духовенству епархіи чрезъ напечатаніе въ Епарх. Вѣдомостяхъ.

Объ изложенномъ, согласно резолюціи Его Преосвященства отъ 11 сентября сего года за № 3616, Гродненская Духовная Консисторія даетъ знать духовенству епархіи для надлежащаго исполненія.

Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.

Поступили пожертвованія: а) въ Староселецкую церковь, Бѣлостокскаго уѣзда, 1) двухсторонняя икона на деревѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. Кирилла и Меводія, а съ другой—Равноапостольнаго Князя Владимира, цѣною въ 100 руб. и двѣ металлическія хоругви въ 192 руб.—отъ мѣстнаго приходскаго братства; 2) бархатное—цвѣта бордо—священническое и діаконовское облаченія, цѣною въ 90 руб.—отъ сторожа ст. Старосельцы С. *Върека*; 3) мишурные воздухи, шитые по бархату, цѣною 15 руб.—отъ монахини *Антонины*; 4) икона на деревѣ св. Виленскихъ мучениковъ, цѣною въ 30 р.—отъ пяти машинистовъ Старосельскаго депо; 5) металлическій подсвѣчникъ, цѣною въ 10 р. отъ *Филатовой*, и б) въ Фастовскую церковь того же уѣзда прихожане сей церкви, по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, пожертвовали (по складчинѣ) въ эту церковь два кіота, стоимостью 145 руб. и къ нимъ двѣ иконы—святителя Углицкаго Θεодосія въ 45 р. и преподобнаго Серафима Саровскаго въ 45 руб., а также двѣ лампады, цѣною 10 руб.

Маршрутъ слѣдованія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Никанора, Епископа Гродненскаго и Брестскаго для обозрѣнія церквей и школъ Гродненской епархіи.

Его Преосвященство на возвратномъ пути изъ отпуска, имѣеть прослѣдовать 17 октября сего года въ с. Блудень, Пружанскаго уѣзда, для освященія вновь сооруженнаго храма, а оттуда въ г. Кобринь, Бресть, Бѣльскъ и с. Тростяницу—для осмотра церковно-учительской школы.

Вакантныя мѣста.

Священниковъ: въ с. Дѣтковичахъ, Кобринскаго у. (7), въ с. Ятвѣскѣ, Волковыскаго уѣзда (5), въ с. Верстокѣ, Брестскаго у. (4) и въ с. Войской, Брестскаго у. (3).

Псаломщиковъ: въ с. Байкахъ, Пружанскаго у. (5), въ с. Накрышкахъ, Слонимскаго у. (4) и въ с. Вѣжной, Пружанскаго у. (3).

ОТДѢЛЪ II НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О почитаніи священниковъ.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоустаго).

ВУДЕМЪ возлюбленные, оказывать всякое уваженіе тѣмъ, коимъ дарована сила Святаго Духа. Санъ священнической имѣеть великую важность: *имъ же отпустите грѣхи*, сказано, *отпустятся*. Почему и Павелъ говоритъ: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь* (Евр. 13, 17.) и: *имѣйте ихъ по презлію въ любви* (1 Сол. 5, 13.). Ибо ты заботишься только о себѣ, и если хорошо устроишь свое благосостояніе, тебѣ нѣтъ никакой отвѣтственности за другихъ: а священникъ, хотя и хорошо устроитъ собственную жизнь, если не станетъ усердно заботиться о тебѣ и о всѣхъ, ему ввѣренныхъ, то вмѣстѣ съ злыми пойдетъ въ геенну, и не за свои, а за ваши дѣла можетъ погибнуть, если не исполнитъ, какъ должно, всего, къ чему онъ обязанъ. Итакъ, зная, какъ велика имъ опасность, оказывайте имъ благорасположеніе. Это имѣеть въ виду и апостоль Павелъ, когда говоритъ: *тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ*, и притомъ не просто, но *яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17.). Посему имъ слѣдуетъ пользоваться отъ васъ великимъ уваженіемъ. Если же и вы, вмѣстѣ съ другими, будете нападать на нихъ, то и ваши дѣла не будутъ имѣть добраго успѣха. Ибо доколѣ кормчій въ благомъ расположеніи духа, дотолѣ и находящіеся въ кораблѣ безопасны; но когда они раздражатъ его неприяз-

неннымъ и обиднымъ обращеніемъ съ нимъ; тогда онъ не можетъ ни быть внимательнымъ, ни исполнять, какъ должно, своего дѣла, и противъ воли подвергаетъ ихъ безчисленнымъ опасностямъ. Такъ и священники, если будутъ пользоваться отъ васъ уваженіемъ, могутъ хорошо устроить ваше спасеніе; если же вы будете оскорблять ихъ, то они опустятъ руки, и вы легко вмѣстѣ съ собою увлечете ихъ тѣми же волнами, хотя бы они были и весьма добродѣтельны. Вспомни, что Христосъ сказалъ іудеямъ: *на Моисеевъ сѣдалищъ сѣдоша книжници и фарисеи: вся убо, елика рекуть вамъ творити, творите* (Матѳ. 23, 2.); а священники сидятъ уже не на Моисеевомъ, но на Христовомъ сѣдалищѣ; ибо они Христово приняли ученіе, какъ-то и Павелъ говоритъ: *по Христѣ посольствуемъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. 5, 20.). Не видите ли, какъ всѣ покоряются мірскимъ начальникамъ, хотя часто бываютъ лучше ихъ и родомъ, и жизнью и умомъ? Но изъ уваженія къ тому, кто ихъ поставилъ, ни о чемъ такомъ не думаютъ и благоговѣютъ предъ волею Царя, каковъ бы ни былъ получившій отъ него начальство. Вотъ какой показываютъ страхъ тогда, когда человекъ рукополагаетъ! Когда же Богъ рукополагаетъ,—мы презираемъ рукоположеннаго, поносимъ, уязвляемъ безчисленными ругательствами и изощряемъ языкъ на священниковъ, тогда какъ намъ запрещено осуждать и братій! Какого же стоитъ это извиненія, когда въ своемъ глазѣ не примѣчаемъ бревна, а въ глазѣ другого тщательно замѣчаемъ сучецъ? Не знаешь ли, что, осуждая такимъ образомъ другихъ, ты готовишь самому себѣ строжайшій судъ? Говоря это, я не думаю одобрять тѣхъ, которые живутъ не достойно званія священства; напротивъ—крѣпко жалѣю о нихъ и плачу; однако не скажу, чтобы ради этого можно было подчиненнымъ, наипаче же самымъ простѣйшимъ, осуждать священниковъ. Хотя бы жизнь ихъ была и весьма порочна,—ты, если только будешь внимателенъ къ себѣ, никакого не потерпишь вреда въ дѣлахъ, порученныхъ ему Богомъ. Ибо если Богъ и

чрезъ ослицу изрекъ Свою волю, и чрезъ волхва даровалъ духовныя благословія; если и чрезъ безсловесныя уста, и чрезъ нечистый языкъ Валаамовъ дѣйствовалъ для непокорныхъ іудеевъ, то тѣмъ паче для васъ, если только вы будете благодарны, Онъ сдѣлаетъ все нужное и пошлетъ Духа Святаго чрезъ священниковъ, хотя бы они были и очень грѣшны. Ибо и чистый не собственно чистотою привлекаетъ Духа Святаго, но все дѣлаетъ благодать. *Вся бо ваша суть*, говоритъ апостоль, *аще Павелъ, или Аполлосъ, или Кифа* (1 Коринѳ. 3, 22.). Все, что вручено священнику, есть даръ единаго Бога; и хотя бы онъ совершенно преуспѣлъ въ человѣческой мудрости, однако это ничего не значитъ предъ Божественною благодатію. Говорю это не для того, чтобы вы проводили жизнь свою безопасно, но для того, дабы, если нѣкоторые начальники ваши будутъ нерадивы, вы подначальные не обращали сего себѣ во вредъ. Но что я говорю о священникахъ? Ни Ангель, ни Архангель ничего не можетъ сдѣлать въ даруемомъ отъ Бога, а все устрояетъ Отецъ, Сынъ и Святыи Духъ. Священникъ же дѣйствуетъ только своимъ языкомъ и простираетъ свою руку. Да и не справедливо было бы, по нечестію другого, терпѣть вредъ въ знаменіяхъ нашего спасенія тѣмъ, которые съ вѣрою приступаютъ. Вѣдая все это, будемъ и Бога бояться, и священниковъ Его почитать, воздавая имъ всякую честь, дабы и за собственные добрыя дѣла и за почтеніе, оказываемое имъ, получить отъ Бога великое воздаяніе, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ нимъ же Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава и честь нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Правдивое слово мірянина о православномъ пастырствѣ.

(изъ дневника священника).

„Страшно устала наша земля отъ сочинительства, мудрованія, фальши... Вся нужда, вся задача наша теперь именно въ томъ, чтобы внести, наконецъ, правду въ русскую жизнь“.

И. С. Аксаковъ.

... „Онъ (такъ началъ свой рассказъ мой собесѣдникъ) очень былъ доволенъ, когда его въ гостинной называли „злымъ языкомъ“. Это ему льстило и давало право судить обо всемъ безапелляціонно и съ небрежной самоувѣренностью. Его преимущественною склонностью было копаться въ мусоръ нашей печальной дѣйствительности и, отыскавъ больное мѣсто, настойчиво бить по нему и съ усладой любоваться впечатлѣніемъ, которое производили его занятія на слушателей.“

Онъ не любилъ даже, когда рѣчь заходила о чемънибудь утѣшительномъ, свѣтломъ, бодрящемъ душу въ русской жизни. Словомъ, это былъ въ совершенствѣ тотъ русскій „сатирикъ“, о которомъ Достоевскій сказалъ, что „онъ какъ бы боится хорошаго поступка въ русскомъ обществѣ. Встрѣтивъ подобный поступокъ, онъ приходитъ въ безпокойство и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не прищеть гдѣнибудь въ подкладкѣ этого поступка чего либо нехорошаго. Тогда онъ тотчасъ обрадуется и закричитъ: это вовсе не хорошій поступокъ, радоваться совсѣмъ нечему“...

Въ послѣднее время онъ избралъ предметомъ своего ядовитаго обличенія нашу многострадальную церковь и духовенство. Когда засверкалъ перекрестный огонь и шумъ около пресловутаго отвѣта Толстого Св. Синоду и по поводу бойкаго реферата Стаховича, онъ цѣлыми днями ходилъ, какъ будто получилъ новый орденъ, съ побѣдо-

носнымъ презрѣніемъ всею фігурою безъ словъ, внушая всѣмъ: „ну конечно; ..иначе и быть не могло...—Я же говорилъ, что эти господа клерикалы—ничтожество“... Передавали, что онъ даже телеграфировалъ Толстому и Стаховичу поздравленіе съ „одолѣніемъ“ и изъ дома въ домъ бѣгаль съ „Отвѣтомъ“ и № С. Петер. Вѣд., гдѣ напечатанъ былъ докладъ о свободѣ совѣсти...

Признаюсь, меня коробили всякія сообщенія о его странной боевой суетливости. Я съ нимъ не былъ знакомъ, и, каюсь, избѣгалъ случаевъ познакомиться. Мнѣ всегда бывало неловко и обидно и стыдно наблюдать подобнаго рода людей. Они извѣстны всѣмъ, и—къ несчастью—ихъ у насъ очень много. Самоувѣренные безгранично, при полной скудости положительныхъ достоинствъ, говорливы, шумливы, задорны съ наскомомъ и изумительно мелки умомъ и чувствомъ, Ихъ можно было бы не замѣчать, если бы они, при своихъ недостаткахъ, не держали господствующаго тона современнаго общественнаго настроенія...

Когда я вошелъ въ комнату онъ съ синей книжкой „Журнала для всѣхъ“ стоялъ передъ столомъ и съ превеличеннымъ пафосомъ, очевидно любуясь эффектомъ чтенія на сидѣвшихъ за столомъ, выкрикивалъ, а не читалъ повѣсть изъ быта духовенства „Худая молва“ (какого то Гусева)... На этотъ разъ избѣжать знакомства нельзя было. Насъ представили... Чтеніе продолжалось...

Когда я сталъ вслушиваться въ чтеніе, въ манеру чтеца фальшиво играть интонаціями съ цѣлью усилить предполагаемый комизмъ дѣйствующихъ лицъ, когда посмотрѣлъ на его счастливое лицо и сочувственныя (за исключеніемъ хозяина дома) фізіономіи слушателей, сердце мое сжалось тоской и мучительною грустью: „вотъ она въ миньютюрѣ скорбная картина родной нескладицы, именуемой русскимъ общественнымъ смысломъ... Вотъ она бѣдная нелѣпая жизнь, публично сѣкущая себя по глазамъ и цѣлующая собственную плоть“...

— Но вѣдь это прелестно!.. Чудно!.. захлебываясь отъ восторга кричалъ лекторъ. Послушайте, послушайте... Толстый, жирный съ хитрыми маслянными глазками благочинный потчуетъ попа: „росы и манны“! Это про перцовку!.. ха-ха-ха! „Сей велиаръ погибели моей ищетъ“... восхитительно!.. ха-ха-ха!.. а диаконъ!..

— „Что же собственно восхитительнаго Вы нашли здѣсь?“ вдругъ раздался тихій, но твердый голосъ изъ уединеннаго уголка гостинной, и, вышедши оттуда присѣлъ ближе къ столу почтеннаго вида старикъ...

— „Да вотъ вся эта потѣшная исторія съ попами: помилуйте! Вѣдь это фотографія! Эти сцены схвачены около насъ... И какъ жизненно, какъ неподражаемо вѣрно... Я всегда говорилъ: давно пора не церемониться съ ними... Это изъ рукъ вонъ“... мелкой дробью засыпалъ „языкъ“, вертя книжкой и вращая головой направо и налево, какъ бы ища себѣ поддержки у сидѣвшихъ за столомъ.

— „Простите, молодой человекъ, замѣтилъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ г. Н., я попрошу у Васъ нѣсколько минутъ вниманія. Я съ примѣрнымъ терпѣніемъ выслушалъ Ваше чтеніе и Ваши разговоры и, извините меня, старика, мнѣ стало очень грустно... Скажите откровенно, думали ли Вы когда нибудь серьезно надъ тѣмъ, что такъ грубо осмѣяно въ рассказѣ?.. Я хочу сказать: задумывались ли Вы когда нибудь надъ судьбою Вашего духовенства?..

— „Къ чему этотъ вопросъ?.. разумѣется думаль, небрежно бросилъ „злой языкъ“, — и нахожу, что сословіе—невозможное: невѣжественное, грубое, живущее въ утробу. Кто же этого теперь не знаетъ?.. И спасибо, что въ литературѣ стали выставлять поповъ къ позорному столбу...

— „Къ сожалѣнію и удивленію моему, согласно съ Вами думаютъ многіе изъ Вашего образованнаго общества... Предупреждаю: я—не русскій по происхожденію, не православный, не состою въ родствѣ ни съ кѣмъ изъ

духовныхъ... Но близко видѣлъ жизнь русскаго сельскаго духовенства въ разныхъ полосахъ Россіи и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ,—еще больше наблюдалъ, слышалъ много, и позволю себѣ рѣшительно не согласиться съ Вами. Я въ первый разъ слышу сегодня рассказъ русскаго писателя о русскомъ духовенствѣ и говорю искренно: мнѣ обидно за Ваше духовенство... Вашъ рассказъ—анекдотъ дурного тона и публика, увеселяющаяся подобными анекдотами, простите, слишкомъ груба въ своемъ нерасположеніи къ русскимъ священникамъ... На чемъ основывается это нерасположеніе?.. Я никогда не могъ понять, почему то, что—считается справедливымъ по отношенію къ другимъ сословіямъ, считается излишнимъ примѣнять къ священникамъ Православной церкви? Справедливо требовать высокихъ качествъ отъ работника и хорошаго исполненія работы, когда у работника не спутаны руки, даны всѣ средства для работы и обезпеченъ вѣрный заработокъ...

— „Но вы на материалистическую почву переводите такія отношенія, которыя должны обсуждаться съ особенной точки. Священникъ—не рабочій, онъ пастырь душъ...”

— „Полагаю, что спасеніе душъ тяжчайшая изъ работъ, какія мы знаемъ, возразилъ спокойно г. Н... Но возвратимся назадъ. Я думаю, что въ дѣлѣ съ православнымъ русскимъ духовенствомъ вышло какое то крупное историческое недоразумѣніе, и это недоразумѣніе не представляется ясно сознанію образованнаго общества. Серьезно. Совѣсть священника накрѣпко связана великимъ множествомъ самыхъ отвѣтственныхъ, самыхъ священнѣйшихъ обязанностей и задачъ, и въ то же время и рядомъ съ этимъ жизнь поставила предъ нимъ въ качествѣ тяжкаго испытанія нужду личнаго обезпеченія такимъ унижительнымъ способомъ, какого мы не знаемъ ни въ какомъ другомъ кругу работниковъ...—Кормленіе отъ прихода... Подумайте о моральной сторонѣ этого явленія... Вѣдь тутъ двойное подвижничество: безмѣрно трудно быть достойнымъ пастыремъ и отцомъ въ приходѣ; во сто кратъ труднѣе, я

думаю, удержать нравственное равновѣсіе и душевную ясность тогда, когда чувствуешь полную свою матеріальную зависимость отъ сторонней благотворительности...

— „Какъ видно это подвижничество имъ на пользу: они отъ него толстѣютъ“... съ злой усмѣшкой бросилъ гостинный ораторъ.

— „Посмѣяться мы всегда успѣемъ, А. А-чъ, но вотъ что мнѣ хочется Вамъ сказать по совѣсти, — съ нѣкоторою горячностью вставилъ хозяинъ — человѣкъ серьезный, неблаговолиительно настроенный къ развязному тону рѣчей противника духовенства и давно съ напряженіемъ слѣдившій за разговоромъ, — извините меня за прямоту... Не умѣю говорить съ закругленіями... Недобросовѣстные господа — Ваши писатели. Худо и повторяютъ ихъ вздорныя рѣчи. Съ печатнымъ словомъ — училъ насъ Гоголь — надо честно обращаться... Помилуй Богъ: гдѣ тутъ правда? гдѣ они такія лица видятъ? съ кого свои портреты пишутъ?.. Воля Ваша: судить по такимъ рассказамъ о жизни вашего духовенства все равно. что учить понимать русскую жизнь по карриатурамъ пошлыхъ юмористическихъ листковъ... Именно сочинители... Они видятъ только лоснящійся жиръ.. А видѣли ли они смертную худобу, злую чахотку, сумашествія нашихъ священниковъ?.. Видятъ торгашей-утробниковъ, собирающихъ хлѣбъ (чтобы не уморить свои семьи, замѣтьте милый А. А-чъ), а не видятъ и знать не хотятъ евангельскихъ страстотерпцевъ — безсребренниковъ, одною рукою берущихъ, а другою, прикрывая руку широкимъ рукавомъ, отдающихъ полученное подаваніе нищимъ, братьямъ своимъ не только по Христу, но (вѣдь страшно сказать) буквально братьямъ по способу обезпеченія.. Потѣшаются надъ комическими частностями вѣшной жизни „поповъ“, а заглядывали-ли они, — спросите ихъ прекрасный А. А-чъ, когда-нибудь хоть краемъ своего лукаваго глза въ ту мрачную, тяжелую драму внутренняго душевнаго міра, которою живутъ и изъ которой выходятъ такъ часто героями наши пастыри? Почему *ихъ* они намъ не изображаютъ, этихъ

героевъ? Или они не знаютъ ихъ? Такъ пусть пойдутъ въ села, деревни, хутора наши... Тамъ они увидятъ все, не изъ тусклыхъ оконъ своихъ душныхъ кабинетовъ и вдобавокъ чрезъ очки надуманной или подсказанной тенденціи, а собственными глазами и въ реальной правдѣ... Не о.о. Геннадіи представятся имъ тогда, а явятся безчисленные (положимъ) о. о. Іоанны, не знающіе, что такое личная жизнь, въ полночь, въ бурю, въ стужу и грязь, съ Чашею св. Даровъ безропотно бредущіе на тряскихъ телѣгахъ, а то и апостольскими стопами въ далекую деревню или хуторъ и тамъ словомъ благодатнаго утѣшенія и любви прикасающіеся къ смердящимъ язвамъ умирающихъ;—идущіе съ одною вѣрою въ Бога, забывая личную опасность, опасность дорогихъ своихъ домашнихъ, въ очаги заразы, въ мѣста угрюмой смерти, плача и ужаса... Сегодня они передъ лицомъ смерти скорбные, но бодрые, а завтра ужъ твердо стоятъ въ центрѣ народной жизни своего прихода, разливая свѣтъ вѣры и благочестивой настроенности во тьмѣ народной, обвѣвая дыханіемъ небеснаго идеала всѣ стороны и теченія народной жизни... Помилуйте! Да это просто универсальные какіе-то люди... Они все знаютъ, все умѣютъ, всѣмъ болѣютъ, волнуются, горятъ энергіей... Церковное учительство, авторитетные совѣты, мировой судъ, физическій трудъ, часто умное писательство... Конечно, это не сплешь... И если бы это было сплошь, мы должны бы на рукахъ носить нашихъ настырей.. Но сколько, сколько ихъ!.. Будемъ правдивы, господа, не надо лгать на жизнь...

...И замѣтте, милый А. А-чъ, это при какихъ условіяхъ?.. Когда имъ приходится съ многочисленнымъ (это почти правило) семействомъ быть на обидномъ содержаніи у прихода и горѣть въ непрерывномъ огнѣ нравственныхъ уколовъ, а иногда и прямо истязаній душевныхъ... Желалъ бы я посмотрѣть, какъ бы Ваши господа сочинители сумѣли сохранить—не говорю полную душевную чистоту, а просто ровную энергію и неослабную любовь къ труду, если бы ихъ поставить въ такіе жизненные

тиски... Пусть бы они попробовали писать, напр., не съ редакціонной построчной платы, а за добровольное вознагражденіе отъ читателей?..

— „Такъ что же? пиши они хорошо, публика вознаградила бы ихъ по достоинству...“

— „Надо думать, съ небольшою охотою, во первыхъ, а во вторыхъ, лишь въ мѣру соотвѣствія писаній капризнымъ ея вкусамъ и минутному требованію... А это ужъ будетъ не свободный, а подневольный, каторжный трудъ, отъ котораго у совѣстливаго человѣка душа замираетъ... Долго-ли въ такомъ случаѣ хорошему писательству обратиться невольно въ жалкое подыгриваніе настроенію сегодняшняго дня?.. Такого рода трудъ естественнымъ теченіемъ вещей будетъ разцѣпываться по правилу толпы съ короткой логикой: „пишетъ на заказъ, распинается, потому что за это съ насъ получаетъ; больше напишетъ, больше въ карманъ положить“... Я думаю не рай будетъ въ душѣ писателя отъ сознанія такой оцѣнки своего труда потому только, что онъ вознаграждается изъ ненормального источника... И если писатель, вынужденный такими обстоятельствами, жизненными коллизіями и по слабости воли сбился бы съ тона и поплылъ бы въ спокойной волнѣ компромиссовъ, мы сказали бы о немъ: „вотъ бѣдная жертва общественнаго нестроенія“... И, разумѣется, взволновано заговорили бы о повелительной нуждѣ измѣнить ненормальный порядокъ вещей, а не стали бы съ злобнымъ зубоскальствомъ травить несчастнаго и показывать съ хохотомъ на него пальцемъ... Отчего же недостаетъ у насъ элементарной гуманности и снисходительной терпимости только для православныхъ священниковъ...?“

— ...А то лоснитса жиръ... Жиръ-то-жиръ, да какъ онъ, скажите мнѣ, выросъ? Я отвѣчаю твердо: выросъ на нашей собственной некультурности, невѣжествѣ и исторически неоправданномъ дуто-аристократическомъ пренебреженіи къ духовному сословію... У насъ хватаетъ благороднаго пыла на защиту ксендза-фанатика, мы га-

лантно жмемъ руку муллѣ, распаркиваемся предъ нѣмцемъ-пасторомъ; а своего русскаго попа унижаемъ, толкаемъ, громимъ его, вмѣняя себѣ это въ особую добродѣтель... Да, позвольте, господа... За что же это въ концѣ концовъ?.. Пустили бѣднаго человѣка по міру, ни капли сердца, ни моментомъ напряженія ума не хотимъ приблизиться къ мрачной драмѣ его жизни, да еще хохочемъ надъ нимъ когда видимъ, что онъ идетъ подъ уклонъ?..

— Вамъ смѣшны о. о. Геннадіи?.. Но знаете — что, прекраснѣйшій А. А. если бы у насъ съ Вами хватило умѣнья и труда взвѣсить и измѣрить всю скорбь, униженія, стоны, слезы и нравственныя муки, посреди которыхъ и въ которыхъ живетъ наше духовенство, то мы бы удивились: отчего это не всѣ священники подобны о. о. Геннадіямъ... И если они, несмотря ни на что и вопреки всему, если они, повторяю убѣжденно, въ *большинствѣ* не таковы, то имъ отъ насъ поклонъ до земли, полная дань глубокаго уваженія... Они герои и гордость наша и болѣзненный укоръ нашей негуманности“...

Спасибо доброму человѣку на добромъ словѣ... Какъ слово это родственно-близко по смыслу геологической рѣчи, сказанной о нашемъ духовенствѣ однимъ государственнымъ мужемъ, которому ужъ, конечно, болѣе чѣмъ кому другому, вѣдомы дѣла и дни русскаго священника: „Кто знаетъ тяжкія условія быта, въ коихъ живетъ и дѣйствуетъ наше духовенство, *особливо сельское*, у того слово суда, готовое для недостойныхъ, умолкнетъ предъ величіемъ подвига, совершеннаго многими, безвѣстно труждающимися посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, въ великой нуждѣ, въ холодѣ и голодѣ, въ нищетѣ и *нерѣдко въ обидѣ*. Легіоны этихъ труженниковъ стоятъ уже предъ Богомъ молитвенниками за насъ,—и на ихъ костяхъ стоитъ наша церковь. Но и нынѣ, сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созиданіемъ! Слава и честь духовенству нашему, и да умножитъ ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и

чувство любви и жалости для учительства словомъ и дѣломъ“! (Изъ рѣчи К. П. Побѣдоносцева, сказанной на юбилейныхъ торжествахъ 900-лѣтія крещенія Руси).

Священникъ *Евгеній Капрановъ*.

(„Рук. для Сельск. Пастырей“).

Что можетъ сдѣлать сельская матушка?

НѢСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ въ одной сельской церкви Опочецкаго уѣзда хоронили мѣстную матушку. Дѣло вообще довольно обыкновенное и нерѣдкое,—похороны на этотъ разъ представляли нѣчто необычайное. Несмотря на будничныи рабочій день, храмъ былъ полонъ молящимися крестьянами, гробъ покойницы настолько силовъ былъ уставленъ свѣчами—жертвой богомольцевъ, что получалась иллюзія непрерывнаго пламени посреди церкви; настроеніе въ храмѣ самое напряженное, благоговѣйное, сосредоточенное; время отъ времени усердная молитва объ упокоеніи души прерывается тяжелымъ вздохомъ; сдержанные рыданія раздаются иногда то тамъ, то здѣсь и вмѣстѣ съ заунывнымъ пѣніемъ на клиросѣ придаютъ всей обстановкѣ какой-то мрачный, трагическій характеръ; наконецъ, во время «последняго цѣлованія» они переходятъ въ одинъ общій гулъ, и вся церковь плачетъ горько, неутѣшно, сердечно... Это крестьяне провожали въ вѣчность свою учительницу, это благодарныя дѣти отдавали последнюю дань любви своей матери*). И она это заслужила тѣмъ, что во всякое время и всѣмъ, чѣмъ только могла, готова была откликнуться на всякій зовъ о помощи, готова была служить другимъ до замозабвенія. Да, это была замѣчательная матушка! Чуткимъ сердцемъ и трезвымъ умомъ она поняла, какую роль можетъ играть она въ той обстановкѣ, среди кото-

*) Нѣчто подобное *недавно* имѣло мѣсто въ нашей епархіи. Событіе отмѣчено на страницахъ Епарх. Вѣдомостей. Ред.

рой судьба назначила ей жить. И она начала дѣлать. Она пошла рука-объ-руку съ своимъ мужемъ и начала бодро помогать ему въ его просвѣтительно-благотворительной дѣятельности. Вотъ: они, полные благихъ стремленийъ, съ глубокой вѣрой въ свои силы, открываютъ въ собственномъ домѣ церковно-приходскую школу. Дѣло тяжелое и отвѣтственное, требующее огромныхъ силъ и настойчивости, и, однако, матушка бодро берется за это святое дѣло и всю себя отдаетъ ему. Въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ, до самой смерти, съѣтъ неутомимо, благотворно, въ живомъ сознаніи громадной полезности этихъ сѣмянъ темному люду, и достигаетъ поразительныхъ результатовъ. Ея школа по постановкѣ просвѣтительнаго дѣла, по вліянію на мѣстное населеніе, неоднократно обращаетъ на себя вниманіе начальства, и трудолюбивая матушка неоднократно ободряется его участливымъ словомъ, однако, не здѣсь все-таки находить пищу ея неутомимая энергія, а въ самомъ дѣлѣ своемъ, — она его любила, и потому его одного было достаточно для ея поощренія и удовлетворенія...

Но, дѣйствуя такимъ образомъ на подростящее поколѣніе, воспитывая дѣтей, она другою стороною своего существа усиѣвала быть полезной и отцамъ и матерямъ прихода. Здѣсь она была не утѣшительницею только въ нуждѣ и горѣ, но и дѣйствительной помощницей, которая даже матеріально помогала своимъ прихожанамъ. Вотъ приходитъ къ ней крестьянка и со слезами заявляетъ, что ей съ семьей сегодня ѣсть нечего. Матушка не заставляетъ уже повторять просьбу и сѣтованіе и сейчасъ снабжаетъ ее, по силѣ и возможности, необходимымъ. Вотъ, далѣе, мать многочисленнаго семейства спѣшитъ къ матушкѣ и проситъ у ней 10 коп. на соль, и матушка съ радостью удовлетворяетъ ея просьбу. И это вовсе не идеализація, а живой осязательный фактъ. Съ какой бы нуждой къ этой матушкѣ не приходили, она всегда, если это, конечно было въ ея силахъ, умѣла помочь и помочь во время. Въ видахъ служенія народу,

она составила у себя нѣчто въ родѣ домашней аптечки и ея средствами помогала въ болѣе простыхъ и часто встрѣчающихся среди крестьянъ болѣзняхъ. Правда, это не были средства строго медицинскаго характера, такъ какъ на распространеніе такихъ она не имѣла и надлежащихъ знаній; это были, большею частью, рекомендованныя въ общедоступныхъ лѣчебникахъ лѣкарства, домашняго приготовленія, безвредныя, но хорошо дѣйствующія при нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Долговременный опытъ и отчасти книжныя указанія хорошо научили матушку въ этомъ смыслѣ, и ея аптека оказывала немалую и существенную помощь населенію... Вообще, эта высокая личность должна быть помянута, какъ другъ народа, другъ любящій, кроткій, самоотверженный, который жилъ съ народомъ одной жизнью, болѣлъ его печальми и радовался его радостями. Это была подвижница на службѣ міру, память о которой долго будетъ жить въ сердцахъ воспитанныхъ и благодѣтельствованныхъ ею прихожанъ N-скаго погоста *).

Знавали мы и другую матушку, столь же свѣтлую личность по своимъ идеаламъ и столь же энергичную и добрѣйшую по своей дѣятельности. Ей не судилъ Господь долго жить,—она угасла въ самомъ расцвѣтѣ ея высоко-христіанской жизни, но и 5 лѣтъ, проведенныя ею въ званіи деревенской матушки, успѣли заслужить ей своеобразную, но глубокомысленную репутацію: «добродѣтельки»... Такъ много добра можетъ принести сельская матушка, серьезная, вдумчивая, вѣрно понимающая свое мѣсто и назначеніе въ какомъ-либо захолустѣ Опочецкаго уѣзда! Она является необходимымъ гармоническимъ дополненіемъ своего мужа-пастыря, незамѣнимой поддержкой его, нерѣдко изнемогающаго въ трудной борьбѣ съ народной темнотою и невѣжествомъ. Да какъ же иначе?

*) Преосвященный Антоній, высоко цѣнилъ дѣятельность этой матушки и въ бытность свою во время путешествій по епархіи въ N-скомъ погостѣ не поставилъ себя въ трудъ сходить на могилу покойной матушки и отслужить панихиду. „Это была труженица“,—отзывался онъ о пей.

Представьте себѣ такую картину. Молодой священникъ поступаетъ на мѣсто въ какое-либо захолустье, гдѣ суевѣріе, грубость и невѣжество свили себѣ прочныя гнѣзда. Онъ полонъ самыхъ идеальныхъ стремленій, самыхъ благихъ порывовъ; онъ искренно желаетъ помочь темному страждущему люду, просвѣтить «сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной» и съ такимъ настроеніемъ уже идетъ на самое дѣло. Но, встрѣтившись здѣсь лицомъ къ лицу съ этой темнотой и нуждой народа, онъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что при такихъ условіяхъ одинъ въ полѣ не воинъ, и что нужна далеко не одиночная сила, хотя для незначительнаго торжества свѣта. Но онъ одинъ съ полуторысячнымъ приходомъ *), подобно сказочному богатырю, долженъ сражаться со зломъ, какъ съ двѣнадцатиглавымъ чудовищемъ, интеллигентныхъ помощниковъ — никого. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла даже у самаго идеальнаго пастыря способны опуститься руки, какъ онѣ дѣйствительно и опускаются у весьма многихъ. Кто же поддержитъ его? Матушка. Какъ памятная въ исторіи раскола жена протопопа Аввакума, можетъ сказать, она мужу: «иди, не бойся, борись», и сама выйти «рука-объ-руку» съ нимъ. Да не смущаютъ никого эти послѣднія слова: мы говоримъ не а priori, а на основаніи живыхъ и далекихъ фактовъ.

Предъ нами сейчасъ прекрасная замѣтка одной сельской матушки, помѣщенная въ «Народномъ Образованіи» подъ заглавіемъ «Рука-объ-руку», прекрасно отвѣчающая на тотъ вопросъ, чѣмъ можетъ быть жена священника и для него и для прихода **). «Дѣйствительно вѣрно, пишетъ здѣсь матушка, что много можемъ сдѣлать въ приходѣ и мы, жены священниковъ, можемъ помогать и содѣйствовать мужьямъ въ ихъ пастырской дѣятельности. Много можно сдѣлать намъ для темнаго люда. Только покажи ему маленькій свѣтъ, отнесись участливо и сердечно, и онъ довѣрчиво пойдетъ къ тебѣ, принимая съ

*) А если этотъ приходъ—четырехтысячный, тогда какъ быть?

Прим. Ред.

**) Журн. „Народное Образование“ за 1902 г., декабрь.

готовностью все, что ему на пользу». Дальнѣйшія разсужденія и воспоминанія матушки и дѣйствительно подтверждаютъ эту, сколь глубоко вѣрную, столь и утѣшительную мысль. «Когда мы пріѣхали на мѣсто назначенія, рассказываетъ матушка, то прежде всего купили себѣ фисгармонію. У насъ не было еще дома, мы пріютились въ маленькой неуютной квартирѣ, но стремленіе начать дѣло было настолько сильно, что и собственныя неудобства намъ были незамѣтны. И вотъ въ нашемъ маленькомъ залѣцѣ начали понемногу, сначала несмѣло, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе собираться крестьянскія дѣвочки и дѣвушки для обученія пѣнію подѣ фисгармонію». Начали, конечно, съ разучиванія по слуху церковныхъ пѣснопѣній наиболѣе простыхъ и употребительныхъ на пѣвовѣ. Доброе дѣло скоро встрѣтило полное сочувствіе населенія. Пѣвчіе прямо увлекались пѣніемъ и съ замѣчательной охотой посѣщали спѣвки, быстро усваивая разучиваемое. Вотъ что говоритъ матушка объ этомъ. «Никогда не забуду этихъ умиленныхъ минутъ. Сидишь за фисгармоніей, а кругомъ—воодушевленные лица юныхъ пѣвицъ. И надо видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ поютъ онѣ; сама фисгармонія имъ кажется чѣмъ-то священнымъ. Бывали случаи, что нѣкоторые въ восторгѣ цѣловали фисгармонію». Но начали пѣть,—надо знать и грамоту, и вотъ у матушки возникаетъ мысль объ открытіи воскресной школы, такъ какъ взрослымъ ходить ежедневно нельзя. Школа дѣйствительно и открывается въ кухнѣ священника, и сама матушка становится во главѣ ея. Сначала дѣло, конечно, идетъ туго, населеніе, по новости самой школы (воскресная открыта была матушкой и еще впервые въ уѣздѣ), относится не совсѣмъ довѣрчиво, такъ что въ первый годъ въ школу явилось только 9 человекъ. Однако, энергичную учительницу это не смущаетъ, занятія идутъ своимъ чередомъ, и уже чрезъ два года въ школѣ 20 человекъ. Школа и спѣвки оказали огромное вліяніе на характеръ взаимныхъ отношеній матушки и прихожанъ. «Все это, говоритъ она, сблизило меня

съ моими прихожанами и устанавливало родственную связь между нами. Безъ труда удавалось мнѣ приглашать ихъ къ себѣ для шитья новыхъ и починки старыхъ церковныхъ облаченій, для дѣланія цвѣтовъ изъ бумаги, которые мы вплетали въ вѣнки изъ елокъ и украшали ими свою приходскую церковь. Лѣтомъ у насъ былъ храмовый нашъ праздникъ, Ильинъ день. Ко мнѣ наканунѣ всегда приходило нѣсколько усердныхъ дѣвицъ, и какъ хорошо убирали мы иконостасъ и икону зеленью и живыми цвѣтами... Конечно, подобная дѣятельность матушки шла усиленно при поддержкѣ и помощи ея мужа; но нельзя не замѣтить, что она прямо помогала и чисто пастырской его дѣятельности; онъ заботился о введеніи общаго пѣнія въ церкви, о всеобщемъ обученіи и вообще о поднятіи нравственнаго уровня крестьянъ своего прихода, пѣніе подъ фисгармонію и школа матушки прямо готовили твердую почву для этого. «Часто по воскресеньямъ, рассказываетъ матушка, изъ разныхъ деревень доносилось стройное церковное пѣніе вмѣсто мірскихъ пѣсень». Мало того. Матушка помогала мужу и болѣе непосредственно: она неоднократно ходила съ нимъ по деревнямъ для религіозно-нравственныхъ бесѣдъ, и поученія мужа оживляла пѣніемъ церковныхъ молитвъ вмѣстѣ съ крестьянскими дѣвушками. На рассказъ матушки объ одномъ изъ такихъ собесѣдованій мы и позволимъ себѣ остановиться, такъ какъ онъ отлично себя поясняетъ, насколько ея дѣятельность отразилась въ жизни народа, и какъ этотъ послѣдній цѣнилъ ее... Дѣло было послѣ Пасхи, когда въ воздухѣ уже пахло теплой весною. Батюшка и матушка отправились на бесѣду пѣшкомъ, такъ какъ деревня, гдѣ предполагалось бесѣдовать, отстояла недалеко отъ погоста. «Когда мы подходили къ деревнѣ, говоритъ матушка, то насъ увидѣли дѣти, игравшія у околицы. Въ одно мгновеніе вся толпа устремилась къ намъ навстрѣчу—подходить подъ благословеніе батюшки. Мы въ свою очередь надѣлили ихъ конфетами, пряниками и и баранками. Одинъ изъ нихъ, бѣлоголовый Вася, сы-

нишка зажиточнаго крестьянина, у котораго мы часто бывали, бросился стремглавъ къ своему дому, чтобы сообщить домашнимъ о нашемъ приходѣ. Съ крыльца уже спускался и самъ хозяинъ семьи Степанъ, который замѣтилъ насъ еще изъ окна хаты». Послѣдній пригласилъ гостей въ избу, на что батюшка съ охотой согласился, предварительно выразивъ желаніе, чтобы было оповѣщено всей деревнѣ (былъ праздникъ) объ имѣющей быть бесѣдѣ. Скоро со всѣхъ концовъ деревни къ дому Степана стали стекаться крестьяне, и когда батюшка съ матушкой, поблагодаривъ Степана за радушіе, вышли на улицу, то нашли тамъ уже большую толпу народа. Бесѣда началась. «Внимательно и сосредоточенно слушали всѣ. Кое-гдѣ, особенно среди стоявшихъ женщинъ, раздавались сокрушенные вздохи, болѣе чувствительныя утирали передниками наворачнувшіяся слезы. Минуть около 15 продолжалась бесѣда; затѣмъ, общимъ воодушевленнымъ пѣніемъ было пропѣто: «Христосъ воскресе», «Плотію уснувъ», «Благообразный Іосифъ», «Воскресеніе Христово видѣвше» и всѣ ирмосы пасхальнаго канона. Затѣмъ опять бесѣда и опять пѣніе и такъ продолжалось около 1½ часовъ. «Было уже поздно, говоритъ матушка, когда мы собрались идти домой. Всѣ крестьяне благодарили отъ души за назиданіе и духовное пѣніе, которое помогло имъ провести праздникъ въ христіанскомъ благочестивомъ настроеніи духа. Многие изъ поющихъ, больше подростки и дѣти, выразили желаніе проводить насъ до слѣдующей деревни, съ версту. И вотъ, пошли мы съ пѣніемъ, которое гулко разносилось по окрестностямъ среди наступающей ночи. «Съ высоты снишелъ еси. Благоутробне», раздавались въ воздухъ трогательныя слова тропаря. Когда мы приблизились къ слѣдующей деревнѣ, то отсюда раздавалось тоже пѣніе: «Христосъ воскресе» и «Съ высоты снишелъ», какъ бы въ отвѣтъ на наше... Смотрите, какая трогательно-умилительная апостольская картина встаетъ предъ нами послѣ этихъ словъ! Два человѣка, воодушевленные только искреннимъ желаніемъ помогать ближ-

нимъ что могутъ сдѣлать при дружнѣмъ взаимномъ содѣйствіи въ глухомъ захолюстьѣ! Матушка все время идетъ «рука-объ-руку» съ батюшкой, и доля ея участія въ дѣлѣ просвѣщенія народа совсѣмъ не минимальная. Она дѣлаетъ много, правда, безъ шума и треска, но плодотворно, съ любовью и энергіей. Дай Богъ, чтобы у насъ побольше было такихъ матушекъ!

(„Псков. Епарх. Вѣд.“).

Старый дьячекъ и современный псаломщикъ.

ПЕРЕБИРАЯ иногда въ мысляхъ впечатлѣнія своего ранняго дѣтства и припоминая нѣкогда дорогіе для меня лица и образы, я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ и любовно останавливаюсь на воспоминаніи о нашемъ старомъ приходскомъ причетникѣ, Алексѣѣ Васильевичѣ.

Алексѣй Васильевичъ, или, какъ звали его крестьяне, попросту „Васильевичъ“ принадлежалъ теперь уже къ исчезающему и весьма въ настоящее время рѣдкому типу „старога дьячка“.

Живо представляю себѣ его доброе морщинистое лицо, обрамленное небольшою бородкой, его традиціонно заплетенныя косички, и всю его длинную костлявую фигуру, облеченную вѣчно въ одинъ и тотъ-же коричневый кафтанъ, подпоясанный неизмѣннымъ синимъ суконнымъ поясомъ.

Образованія для дьячка Алексѣй Васильевичъ былъ довольно высокаго: онъ прошелъ все духовное училище и даже былъ немного въ Семинаріи, откуда, какъ писалось въ его формулярѣ „вышелъ изъ словесности по домашнимъ обстоятельствамъ“.

Эгими обстоятельствами были — смерть его родителя, тоже причетника, и бѣдственное положеніе его многочисленной семьи, оставшейся буквально безъ куска хлѣба. Тѣмъ не менѣе Алексѣю Васильевичу не прежде пришлось занять мѣсто отца, какъ по успѣшномъ выдержаніи экзамена, который ему произвелъ самъ архіерей. „Ну ужъ и страху натерпѣлся я тогда, любилъ рассказывать о своемъ экзаменѣ Васильевичъ: владыка у насъ въ то время былъ строгій, требовалъ основательнаго знанія церковнаго пѣнія и устава; а я, хотя пѣлъ и гораздо и службу церковную зналъ, а все-же до всѣхъ еще тонкостей насчетъ разныхъ „аще случится“ не дошелъ“.

Однако, если на первоначальномъ своемъ экзаменѣ Васильевичъ и не обладалъ еще знаніемъ всѣхъ тонкостей церковнаго устава, то за время своей почти сорокалѣтней службы изучилъ эти тонкости въ совершенствѣ. Его свѣдѣнія въ этомъ отношеніи были настолько полны и всесторонни, что приходской батюшка не иначе называлъ Васильевича, какъ „ходячій тиниконъ“.

Дѣйствительно, другого такого знатока и ревнителя церковнаго устава трудно было сыскать. Васильевичъ былъ буквоѣдомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и малѣйшее нарушеніе церковнаго устава считалъ извращеніемъ всего богослуженія. Онъ, напримѣръ, искренно печалился и грустилъ, если иногда пѣвчіе праваго клироса по ошибѣ пѣли „Господи воззвахъ“ не на тотъ гласъ, и считалъ своею прямою обязанностью пропѣть означенное пѣснопѣніе снова. Если-же ему замѣчалъ кто-нибудь, что вѣдь для Бога одинаково, на какой гласъ ни спой. Васильевичъ грозно обличалъ подобнаго либерала. „Одинаково—одинаково, строго напускался онъ на вольнодумца, значить, не одинаково, если такъ положено по уставу: святые отцы поумнѣ насъ съ тобою были и знали, что писали; какой, подумаешь, мудрецъ сыскался!“ И вольнодумецъ смущался, обличаемый строгимъ ревнителемъ закона.

Послушный приказанію экзаменовавшаго его владыки, Васильевичъ вскорѣ-же по опредѣленіи на мѣсто завелъ

у себя на лѣвомъ клиросѣ хоръ пѣвчихъ, которымъ руководилъ до самой своей кончины. Это не былъ хоръ въ строгомъ смыслѣ слова: Васильевичъ принималъ всѣхъ, кто только желалъ пѣть, и главное вниманіе обращалъ не столько на строй, сколько на проникновеніе священными словами пѣснопѣнія. „Развѣ онъ понимаетъ, жаловался не разъ Васильевичъ на регента праваго клироса: ему нужны діэзы да бемоли, а души хотя совсѣмъ не будь. Въ Писаніи сказано „пойте разумно“, а какой ужъ тутъ разумъ, коли человекъ подь-часъ не понимаетъ, что поетъ“. И нужно было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ пѣлъ самъ Васильевичъ: онъ буквально преображался, лицо его принимало вдохновенное выраженіе, глаза часто были полны слезь...

Читалъ Васильевичъ тоже образцово—громко, отчетливо и съ выраженіемъ, и любилъ хвалиться тѣмъ, что, прослуживши почти сорокъ лѣтъ „не перебилъ языка“.

Но, да не подумаетъ читатель, что дѣятельность моего Васильевича ограничивалась только исполненіемъ прямыхъ обязанностей причетника—чтеніемъ и пѣніемъ на клиросѣ. Васильевичъ значительно расширялъ кругъ своей причетнической дѣятельности, понимая свое назначеніе, какъ служителя церкви въ самомъ широкомъ смыслѣ. Поступалъ, на примѣръ, въ церковь новый сторожъ; Васильевичъ считалъ своею обязанностью наставить его и преподать нѣсколько практическихъ совѣтовъ: „А умѣешь-ли ты трезвонить, спрашивалъ обычно Васильевичъ новаго церковнаго служителя? „Да уже не извольте сомнѣваться, Васильевичъ, какънибудь отзвонимъ“, завѣрялъ вновь поступившій. „Какъ-нибудь, какъ-нибудь, начиналъ ворчать на него Васильевичъ; вотъ въ томъ-то и дѣло, что какънибудь—нельзя. Вѣдь ты трезвонимъ-то Бога будешь славить, по слову Писанія „хвалите Бога въ кимвалѣхъ“. такъ можно-ли славить-то Господа „какънибудь“. И Васильевичъ долгое время не позволялъ новому сторожу трезвонить иначе какъ въ его присутствіи.

Отправлялись, на примѣръ, на потребу. Снисходя къ старческой слабости Васильевича, батюшка поручалъ

нести сумку съ облаченіемъ мужичку. Васильевичъ не давалъ пощады и священнику. „Да развѣ это порядокъ, говорилъ онъ, выхватывая сумку изъ рукъ крестьянина: вѣдь въ сумѣ-то облаченіе, въ которомъ вы предъ Престоломъ Божиємъ стоите, такъ мужику то не пригоже и руками ея касаться“. Выходя изъ того-же положенія, Васильевичъ никогда не позволялъ церковному сторожу касаться облаченій. Приходя обычно въ церковь задолго до звона, онъ собственноручно отыскивалъ все необходимое, самъ развѣтывалъ и пряталъ облаченія и самъ-же всегда помогалъ священнику облачаться. И нельзя было безъ умиленія смотрѣть на этого старика, когда онъ дрожавшими руками, съ какимъ-то благоговѣніемъ въ лицѣ, отправлялъ священные одежды на своемъ настоятелѣ.

Таковъ былъ нашъ старый дьячекъ, Алексѣй Васильевичъ.

Съ любовью вспоминаю я всегда этого симпатичнаго, теперь уже покойнаго человѣка и съ грустью смотрю, какъ постепенно исчезаетъ теперь этотъ добрый типъ стараго причетника, замѣняясь другимъ, вполне ему противоположнымъ.

Дѣйствительно, старые дьячки и современные псаломщики—это два противоположные полюса. Начать хотя-бы съ знанія тѣми и другими церковнаго устава. Если стараго дьячка по справедливости можно было назвать ходячимъ типиконемъ, то къ современному псаломщику подходитъ болѣе названіе постоянного нарушителя его. Причина послѣдняго объясняется просто: старые дьячки, хотя по большей части были людьми малоучеными, изучали свое дѣло не по теоріямъ, а практически, съ малолѣтства пріучаясь принимать участіе въ богослуженіи и слѣдить за истовымъ совершеніемъ его. Имъ чуть не съ молокомъ матери впитывали сознаніе, что церковный уставъ написанъ святыми отцами, что нарушеніе его есть страшный грѣхъ, за который виновному придется давать отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ.

Совсѣмъ иначе происходитъ теперешняя подготовка псаломщиковъ. Подготовку эту всецѣло можно назвать теоретической: церковный уставъ современными псаломщиками часто изучается по одному лишь учебнику; и нерѣдко бываетъ, что молодой причетникъ знакомится съ богослужебными книгами уже по опредѣленіи на мѣсто. Естественно, что предоставленный почти исключительно самому себѣ, лишенный подчасъ опытнаго руководителя и наставника, онъ изучаетъ уставъ слишкомъ поверхностно, кое-какъ, и этими свѣдѣніями руководится цѣлую жизнь.

Если отъ практическаго знанія устава перейти къ внѣшнему исполненію его, то и въ этомъ отношеніи старые причетники значительно превосходили нынѣшнихъ. Церковное чтеніе и пѣніе за рѣдкимъ исключеніемъ доведено было старыми причетниками до возможной степени совершенства. Вникая въ смыслъ священныхъ словъ и выражений, старые дьячки вдохновлялись сами и вдохновляли присутствующихъ. Последняго совершенно нельзя сказать о чтеніи и пѣніи псаломщиковъ современныхъ, являющихся, по большей части, бездушными фонографами священныхъ пѣснопѣній и молитвъ.

И если исполненіе церковныхъ пѣснопѣній современными псаломщиками по справедливости можетъ быть названо искаженіемъ освященныхъ практикою церкви мелодій, то старымъ причетникамъ нужно сказать большое спасибо за сохраненіе и развитіе древнихъ церковныхъ напѣвовъ. Но заслуга старыхъ причетниковъ состояла не только въ томъ, что они сами умѣли читать и пѣть, но также въ умѣніи ихъ возбуждать къ тому охоту и въ прихожанахъ: большая часть приходскихъ любительскихъ хоровъ обязана своимъ происхожденіемъ ничему иному, какъ старанію и умѣнью старыхъ причетниковъ.

Подобно указанному мною Васильевичу старые дьячки никогда не ограничивали кругъ своей причетнической дѣятельности однимъ лишь чтеніемъ и пѣніемъ на кли-

росѣ. Считаая себя низшими служителями церкви, они старались служить ей вездѣ, гдѣ требовала нужда: они завѣдывали церковною утварью, помогали при облаченіи священникамъ, слѣдили за правильностью церковнаго звона и т. д.

Не позволяя церковному сторожу даже касаться облачений, они приучали народъ уважать священные предметы церкви. Этимъ послѣднимъ современные псаломщики совершенно уже не могутъ похвалиться. Помочь священнику при облаченіи, свернуть и развернуть ризы, понести сумку съ церковными вещами—все это считается въ настоящее время дѣломъ, унижающимъ человѣческое достоинство.

Но почему-же не унижались отъ этого старые дьячки? Да потому, что въ этомъ не было и нѣтъ ничего унижительнаго, какъ нѣтъ вообще честнаго труда, который-бы унижалъ достоинство человѣка. Молодымъ причетникамъ не мѣшало-бы хотя изъ исторіи вспомнить, что даже такіе люди, какъ Суворовъ, считали для себя честью прислуживать при богослуженіи.

Вѣроятно, выходя изъ того-же положенія—ложной боязни уронить какъ нибудь свое достоинство, современные псаломщики не могутъ похвалиться и аккуратностью въ посѣщеніи богослуженій и исполненіи своихъ обязанностей. Въ то время, какъ старые дьячки являлись въ церковь еще до звона или съ первымъ ударомъ колокола, молодые причетники не считаютъ большимъ проступкомъ придти къ богослуженію уже послѣ начала его, а иногда и совсѣмъ не явиться. Я знаю одного причетника, который не считаетъ совсѣмъ нужнымъ посѣщать праздничныя богослуженія „не на своей недѣлѣ“, оправдывая себя тѣмъ, что ему „тамъ дѣлать нечего“. Эготъ-же псаломщикъ не явился къ богослуженію на праздникъ Рождества Христова и опоздалъ къ заутрени въ Свѣтлое Христово Воскресенье. И такіе примѣры нерѣдки. Послѣднее видно уже изъ того, что въ нѣкоторыхъ епар-

хіяхъ преосвященные вынуждены были издавать по этому поводу спеціальныя распоряженія. Такъ въ 1899 году преосвященный Самарскій сдѣлалъ такое распоряженіе: псаломщики обязательно должны являться къ церковнымъ службамъ до благовѣстія по крайней мѣрѣ за полчаса, чтобы надлежащимъ образомъ приготовить все, что требуется для совершенія богослуженія,, (Самар. Еп. В. 1899 г. № 6).

Крайне неаккуратное отношеніе къ дѣлу современныхъ псаломщиковъ весьма часто вынуждаетъ настоятелей церквей прибѣгать къ строгимъ выговорамъ и даже жалобамъ, а это послѣднее естественно нарушаетъ тѣ добрыя отношенія, какія должны существовать между старшими и младшими членами причта. Все это было даже немислимо въ тѣ добрыя времена, когда вмѣсто настоящихъ псаломщиковъ служили и работали старые дьячки. Опоздать къ богослуженію, неаккуратно отнестись къ исполненію своихъ обязанностей, а тѣмъ болѣе стать въ оппозицію настоятелю—все это были явленія, совершенно незнакомыя старому дьячку.

Священникъ для него былъ полнѣйшимъ авторитетомъ; онъ жилъ, мыслилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ заправилъ его настоятель. Радости священника были радостями и причетника, скорби и непріятности настоятеля всегда съ болью отзывались въ сердцѣ стараго дьячка. И наоборотъ, ни одно даже мельчайшее событіе въ домашней жизни причетника не проходило безъ того, чтобы въ немъ самымъ дѣятельнымъ совѣтникомъ и руководителемъ не являлся мѣстный священникъ.

По своему небольшому образованію дьячки, конечно не могли быть прямыми помощниками священниковъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго развитія пасомыхъ, однако и въ этомъ отношеніи они много помогали настоятелямъ не столько словомъ, сколько прекраснымъ примѣромъ послушанія и довѣрія.

Свято вѣря каждому слову священника, старый дьячекъ и въ прихожанахъ возбуждалъ такое-же довѣріе,

выставляя постоянно своего настоятеля образцомъ ума и знаній.

Въ этомъ отношеніи современные псаломщики, какъ болѣе образованные, могли-бы значительно превосходить своихъ предшественниковъ, помогая настоятелю и словомъ, и дѣломъ. Но къ сожалѣнію, на практикѣ священникъ въ настоящее время находитъ въ своемъ псаломщикѣ не столько помощника, сколько безпощаднаго критика своихъ поступковъ и словъ. Говоритъ, на примѣръ, священникъ проповѣдь. Старый дьячекъ обычно боялся проронить слово, чтобы потомъ передать содержаніе поученія прихожанамъ; молодой же, пользуясь свободнымъ временемъ, отправляется наскоро покурить; если же остается въ церкви, то лишь для того, чтобы или посмѣяться надъ нехитрымъ подъ-часъ краснорѣчіемъ батюшки, или же подосадовать на излишнюю, по его мнѣнію, затяжку богослуженія.

Что касается нравственнаго поведенія причетниковъ стараго и новаго типа, то ихъ даже и сравнивать невозможно, настолько велико существующее между ними различіе. Старый дьячекъ, по большей части, былъ человекомъ богобоязненнымъ, искренно вѣрующимъ, свято исполняющимъ всѣ предписанія церкви. Ничего подобнаго часто нѣтъ въ современномъ псаломщикѣ. И въ то время какъ жизнь старыхъ причетниковъ служила образцомъ и примѣромъ для прихожанъ, поведеніе псаломщика современнаго является, по большей части, лишь соблазномъ для послѣднихъ.

Да и можетъ ли подать хорошій примѣръ нравственности псаломщикъ, который не посѣщаетъ богослуженій даже въ великіе праздники, если послѣдніе случаются „не на его недѣлѣ“?

Да, рѣзко-рѣзко отличаются современные псаломщики отъ своихъ симпатичныхъ предшественниковъ! Всмотритесь, это отличіе замѣтно даже во внѣшнемъ обликѣ тѣхъ и другихъ. Въ то время какъ старые дьячки одѣ-

вались въ традиціонный подрясникъ, или носили приличную и скромную свѣтскую одежду, современные псаломщики пестротой и разнообразіемъ костюмовъ конкурируютъ съ подмастерьями парикмахерскихъ и приказчиками гостиннаго ряда. Досадно и больно смотрѣть, когда такой франтъ въ пестромъ кургузомъ пиджачкѣ выходитъ на средину церкви читать Апостоль. Думаешь: и это слуга церкви православной, что мѣшаетъ ему заодно ужъ приколотъ розу къ петличкѣ и вдѣть въ глазъ монокль? Я знаю одного псаломщика, котораго за его костюмъ крестьяне прозвали „жидкомъ“. Дѣйствительно, въ своемъ кургузомъ пестромъ пиджачкѣ, съ приплюснутымъ полуцилиндромъ на головѣ онъ скорѣе напоминаетъ странствующаго жидка-музыканта, чѣмъ скромнаго служителя церкви.

Я сказалъ немного, но и это, думаю, достаточно, чтобы убѣдиться, какого глубоко симпатичнаго типа причетника лишилась наша церковь и съ какимъ противоположнымъ ему—ей теперь приходится имѣть дѣло.

Прискорбное и грустное явленіе, съ которымъ въ настоящее время приходится считаться!

Въ утѣшеніе можно сказать развѣ, что нарисованный мною типъ современнаго псаломщика присущъ все же не всѣмъ; бываютъ и исключенія. Но гдѣ же причина той противоположности и того рѣзкаго различія, какими отличаются современные намъ псаломщики отъ своихъ предшественниковъ? Причину эту, по моему мнѣнію, нужно прежде всего искать въ томъ взглядѣ на должность причетника, какого держались старые дьячки и какого держатся теперь молодые псаломщики. Старые дьячки были очень высокаго мнѣнія о своей причетнической службѣ. Привыкши съ дѣтства смотрѣть на нее, какъ на служеніе Богу и церкви, они естественно пріобрѣтали серьезный положительный взглядъ на нее; а смотря на свою службу, какъ на постоянную, на которой и умереть придется, они старались отдаваться ей всей душой и быть достой-

ными своего званія. Совершенно иначе смотреть на свою службу псаломщики современные. Лица съ семинарскимъ образованіемъ смотрять на нее какъ на нѣчто временное— скоропреходящее, чему отдаваться всецѣло излишне уже по одному тому, что „это ненадолго“. Одинъ знакомый мнѣ псаломщикъ, по собственному признанію, занялъ, на примѣръ, должность причетника только для того, чтобы, скопивъ немного денегъ, имѣть возможность поступить въ ветеринарный институтъ.

Всевозможные же недоучки, пасынки судьбы, люди обездоленные, поступившіе въ псаломщики только потому, что больше дѣваться некуда, естественно не могутъ смотрѣть съ уваженіемъ на то, что принято ими лишь по нуждѣ.

Относясь къ своимъ обязанностямъ лишь съ формальной стороны, они постоянно жалуются на свое тяжелое и унижительное положеніе и не прочь при случаѣ переимѣнить должность причетника на всякую другую— до должности сидѣльца въ монополіи включительно.

Какъ тотъ, такъ и другой видъ современныхъ псаломщиковъ весьма нежелателенъ; поэтому нельзя не привѣтствовать открытія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ специальныхъ причетническихъ классовъ, назначеніе которыхъ— готовить для церкви псаломщиковъ не случайныхъ и не загнанныхъ въ нее превратностями судьбы, а постоянныхъ, практически подготовленныхъ преемниковъ старыхъ дьячковъ.

(„Орл. Епарх. Вѣд.“).

Н. Абрамовъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

Поступили въ продажу новыя изданія
Гродненскаго Епархіального Училищнаго Совѣта:

1. „Очеркъ исторіи церковно-школьнаго дѣла въ Гродненской губерніи въ XIX столѣтіи, составленный по даннымъ архива Гродненскаго Епарх. Учил. Совѣта и другимъ источникамъ“. Составилъ протоіерей Іоаннъ Корчинскій. Страницъ 131. Цѣна 50 коп.

2. „Св. Преподобно-мученикъ Аѳанасій, Игуменъ Брестскій“. Составилъ протоіерей І. Корчинскій. Стр. 8. Цѣна 2 коп.

3. „Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ“. Составилъ прот. І. Корчинскій. Стр. 12. Цѣна 2 коп.

Приобрѣтать можно въ канцеляріи Гродненскаго Епарх. Учил. Совѣта и въ продажныхъ книжныхъ складахъ, существующихъ при каждомъ Уѣздномъ Отдѣленіи Епарх. Учил. Совѣта.

При семь №-рѣ разсылается подписчикамъ
прейсь-курантъ торговаго дома Ш. Лихтенштейнъ
въ Бѣлостокѣ.

Содержаніе № 40.

О т д ѣ л ь I. Дѣйствія Правительства.—Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.—Маршрутъ слѣдованія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Никанора, Епископа Гродненскаго и Брестскаго для обозрѣнія церквей и школъ Гродненской епархіи.—Вакантныя мѣста.

О т д ѣ л ь II. О почитаніи священниковъ.—Правдивое слово мірянина о православномъ пастырствѣ.—Что можетъ сдѣлать сельская матушка?—Старый дьячекъ и современный псаломщикъ.—Объявленіе.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей Николай Диковскій.

Печатать разрѣшается. г. Гродна, 30 сентября 1904 г.
И. д. Цензора, Свящ. *Петръ Дедовичъ.*

Гродн. Губ. Тип.